

Текст · 18 ноября 2025, 10:46

Градус зверства. Фрагмент из книги журналиста Дмитрия Дурнева «Дом на линии огня»

Дмитрий Дурнев — один из самых известных журналистов, работавших в Донбассе. Уроженец Краматорска и медик по образованию, в своей новой книге «Дом на линии огня» он описывает, как менялся регион с начала 1990-х до наших дней, как в промышленный центр Украины пришел «русский мир» и как в итоге полномасштабная война превратила его в выжженный «новый регион», оккупированный Россией. Книгу выпустили издательство «Медузы» и *Straightforward Foundation*. С их разрешения «Медиазона» публикует фрагмент главы, посвященный началу репрессий в самопровозглашенной ДНР и знаменитой тюрьме «Изоляция».

К маю 2015 года самопальный репрессивный аппарат начал приобретать относительную стройность. Сформировались каноны политических обвинений:

людям, арестованным за «неправильный» пост в интернете или неосторожное высказывание, предъявляли уголовную статью либо о шпионаже, либо о «возбуждении ненависти»; потом, уже гораздо позднее, к тем, кто стал получать паспорта «ДНР» (а бюджетников, например, буквально заставляли это сделать), рутинно применяли статью об измене родине.

Все «политические» и «шпионы» попадали в ведение «министерства государственной безопасности (МГБ) ДНР». У гэбистов была оборудована своя неофициальная тюрьма — под эти цели они приспособили бывшее арт-пространство «Изоляция», расположенное на территории бывшего советского завода изоляционных материалов в Буденновском районе. Когда-то на гранты посольства США здесь проводились выставки современного искусства: французский художник Даниэль Бюрен разрисовывал двери, камерунец Паскаль Мартин Таю установил на заводской трубе свою знаменитую инсталляцию в форме гигантской красной помады. Еще весной 2014 года в «Изоляции» в качестве гостей «Платформы культурных инициатив» выступала российская делегация во главе с оппозиционным политиком Михаилом Ходорковским, а через три месяца уже образовался концлагерь, куда попадали пленные украинские солдаты, проукраински настроенные граждане, провинившиеся ополченцы, иностранцы и прочие неблагонадежные. Еще через несколько месяцев сотрудники МГБ провели свой перформанс и под камеры взорвали статую Таю.

Инсталляция Паскаль Мартин Таю, 2012 год. Фото: izolyatsia.org

Любовь Михайлова, дочь последнего директора завода и хозяйка территории, на которой теперь допрашивают, бьют и пытаются людей, уже много лет живет в Лондоне. Ее команда вместе с юристами внимательно изучает все, что происходит на им принадлежащей территории, и собирает документы для последующих исков в украинские и международные суды. Поразительно, но за первые шесть лет им не удалось найти ни одной бумаги «ДНР», подтверждающей статус этого места. «Изоляция» — концлагерь, которого де-юре не существует.

Обычно арестованные по политическим статьям сидели в заключении полтора, а то и два года, после чего представляли перед судом. Сам процесс при этом, как правило, длился буквально один день — этого хватало, чтобы выписать человеку срок в 10, 12 или 15 лет заключения.

Десятки взятых за слова людей не имели контактов в СБУ или украинской разведке. В такой ситуации это был минус — в комиссии по обмену за них никто не хлопотал. В Киеве

преобладала вполне логичная мысль, что заложников у россиян на оккупированных территориях миллиона три и только вместимость колоний, стоимость питания и охраны заключенных сдерживает рвение карателей, главной задачей которых был террор населения — чтобы все сидели максимально тихо. Получалось, что россияне забирали на обменах своих военнопленных, диверсантов, разведчиков, иногда убийц-подрывников, иногда просто пропагандистов. А в ответ могли отдавать сколько угодно непричастных к активному сопротивлению гражданских, которые до ареста жили на оккупированной территории по своей доброй воле и в силу сложившихся жизненных обстоятельств.

Взять могли кого угодно. В Донецке шутили, что в местном СИЗО есть специальный «министерский» этаж для высших чиновников — там сидели вице-премьеры, министры культуры, транспорта и ТЭК, руководящие сотрудники министерства налогов и сборов. Многие избежали заключения, уехав в Москву — осенью 2019 года, например, уголовные дела открыли на всю верхушку «министерства связи ДНР», после того как она сбежала.

Однако люди, которые работали на «правительство ДНР», могли просчитать свои риски. Они видели, как это государство ест своих, они сами судорожно наживались на хаосе в ожидании своего личного черного дня. Их не жалко. Важнее сказать не о них, а об обычных людях, которые попали под каток репрессий. Моим редакторам-россиянам рассказы о том, что людей сажают на 10 лет за то, что

написали что-то нелояльное в соцсетях, долгое время казались какими-то байками, а предположения, что так будет и у них, — риторической фигурой. К 2025 году все мои редакторы уехали из России; почти всех объявили иноагентами, а их издания — нежелательными организациями; некоторые стали фигурантами уголовных дел. И все это просто из-за того, что они произнесли вслух простые слова о всем известных фактах. Все как было у нас.

Я могу рассказывать такие истории одну за одной.

<...>

Вот художница Евгения Йепес — весьма необычный человек, обладательница видов на жительство в Испании и Норвегии, она жила с мужем Аннибалем, гражданином Испании, на две страны. Но поженились они, когда Аннибаль был студентом в Донецке, а Евгения была обычной гражданкой Украины. И вот в 2019 году она решила поехать в квартиру умерших родителей в центре Донецка — развеяться, подумать о жизни, поучиться чему-то полезному...

Это не шутка — художница думала, чем бы заняться в жизни, и решила поучиться швейному делу в Донецке. Таких людей хватало — тех, кто приезжал в свой бывший город из Европы за дешевыми услугами стоматологов, косметических хирургов, иногда даже проституток. Все они никак не примеряли разговоры о концлагере «Изоляция», арестах по доносу соседей, умопомрачительных сроках и обменах лично к себе.

Квартира Евгении была в самом что ни на есть элитном центре — возле старого донецкого гастронома «Москва» с балконом, выходящим на центральную улицу Артема. В июне 2020 года, перед российским государственным праздником, ей на этот балкон — как и на все соседние — повесили российский флаг, никого ни о чем не спрашивая. Евгения Йепес, единственная на всей улице, ни разу не задумавшись, взяла и сорвала этот флаг — оторвала от своей частной собственности кусок материи и кинула вниз в люльку крана, где сидели коммунальные рабочие.

Через пару часов под дом приехали сотрудники МГБ, подогнали персональную вышку и повесили на балкон Евгении уже флаг «ДНР». Йепес сорвала и его, случайно порвала ткань, выкинула флаг в мусорное ведро, а потом вынесла его на помойку во двор. Все это снимали на камеру донецкие чекисты, фиксируя «преступления против государственности ДНР».

Штурмовать ее квартиру пришел целый отряд, но нарвались они на донецкую женщину с характером. Евгения орала, не открывала дверь, требовала вызвать соседей — и все это транслировала по телефону несчастному мужу. Аннибаль Йепес поднял на ноги всех, кого мог, написал десятки писем правительствам стран, где семья жила, во все международные организации, что знал, и даже знакомых с проблемой журналистов нашел — меня вот, например. Через две недели Евгения вдруг вышла к нулевому блокпосту украинской армии — после двух суток в «Изоляции» и двух недель в чуть более мягких условиях официального изолятора

предварительного заключения ее оштрафовали в суде и просто «депортировали».

Когда она была уже в Киеве, я смог с ней подробно поговорить. Она считала, что первые два дня провела в концлагере «Изоляция», но по своему опыту скажу, что это могла быть и импровизированная тюрьма в подвалах здания МГБ.

«Вы не знаете, день или ночь, у вас на голове пакет, повернуть голову на тридцать градусов нельзя, сразу окрик, всех, кто там работает, ты видеть тоже не должен. Когда кто-то входит в камеру, ты должен встать лицом к стене с пакетом на голове и снимаешь его, как только закрывается дверь. Там был один нормальный мужик в утренней смене, остальные просто наводили ужас.

Как они там кричат! Я попросила туалетной бумаги в самом начале, он на меня как закричал: "Поговори мне еще, блядь! Хочешь в подвал пойти?!" И осталась я, извиняюсь, со своим нервным поносом с ведром с фекалиями в камере без окон.

Камера была крошечной, наверное, чтоб сидели по одному. Я там мало времени провела, хотя в стрессе мне показалось, что довольно долго. Мне было плохо, еще и тошнило на нервной почве — я отказалась от завтрака, так что не могу вам сказать, как там кормят и во сколько меня повезли на допрос. Мне сразу задали с ухмылочкой вопрос, как я провела ночь? Сказали: "Если будете упираться, вы там проведете много ночей и много месяцев. И суть не в том, что вам присудит суд, суть в том, что до суда вы можете провести там много лет! Вы говорите, вам не

понравилось место, где вы пребывали, но вы не видели его полностью! Вы побывали в лучшем варианте, по сравнению с тем, что там обычно происходит, с вас там просто пылинки сдували!"

И потом прокурор говорит: "Это еще не все, Евгения! Флаг — это только начало. Вы должны признать, что испытываете неприязнь к России!" Я говорю: "Извините, я в России была проездом, с одной ночевкой в Москве у знакомой в 2008 году и говорить, что я испытываю к ней какие-то чувства — все равно что спрашивать у меня, испытываю ли я неприязнь к Китаю. Для меня все это полная абстракция". А он мне: "Я вам это и говорю, вы — либерал! Вам чужд русский мир! Вы же не можете отрицать, что живете в Испании, у вас западные взгляды!"»

В конце разговора я спросил, что Евгения хотела бы сказать своим недавним мучителям. «Знаете, они там всерьез думают, что Россия — мировой лидер, а США уходит на задний план и вот-вот вообще, так сказать, чуть ли не перестанет существовать, — это, кстати, беда многих дончан, — ответила Евгения. — Ребята, что меня допрашивали, тоже так рассуждают, и раз уж залезли в такую сферу, то никакого шанса отступить не имеют — они-то пойдут до конца. Но если они всерьез считают, что вот-вот их республика будет признана, то все хорошо в меру. Подвергать таким репрессиям людей — это работать против своих интересов на международной арене. Надо все-таки градус зверства поубавить, причем во много, много раз!»

Самое удивительное, что в Донецке на этот «градус зверства» внезапно очень обиделись. После

публикации материала мне через знакомых передали, что заголовок с «градусом зверства» — это перебор, потому что к этой «испанской художнице» отнеслись очень мягко, а она совсем не оценила своей удачи. И правда — Евгению Йепес не насиловали на допросах, гражданку ЕС не объявили шпионкой и искательницей клистронов и не посадили на 10 лет строгого режима.

Дмитрий Дурнев. [Дом на линии огня](#). «Медуза», *Straightforward Foundation*, 2025.

Редактор: Мика Голубовский